

The Bolshoi Theatre.

The theatre makes its plans; everything is arranged.

The grand opera season has opened. Everything is proceeding according to plan: the same faces, the same routine.

Glinka's first opera—revamped and featuring a new conductor, Mr. Rachmaninoff—existed only on the playbill.

The season actually opened with Glinka's second opera, staged and conducted by the incumbent conductor, Mr. Altani.

Due to the intensive work devoted to "A Life for the Tsar", "Ruslan" did not receive the necessary number of rehearsals; having grown hazy in the memories of the singers, chorus, and orchestra during the summer break, it played the role of a minor exhibit—a silent ensemble manoeuvred by a rubber baton.

There were a few blunders—such as the musical "lace" failing to mesh with the whole—and a few moments that faltered or even collapsed, notably during the second verse of Ruslan's aria in Act IV, sung over the slumbering Lyudmila.

One certainly would not attribute such mishaps to an experienced, knowledgeable, and talented conductor—and I consider Mr. Altani to be just that—least of all on opening night.

Why, then, did things turn out this way?

The newspapers have taken up the issue, offering various explanations. There is talk of fees and contracts specifying a start date of September 1st rather than August 30th. Switchmen are likewise blamed for railway disasters.

That is not the point. "Look to the root of the matter." It is simply a case of "too many cooks spoil the broth."

With less tension and whims, and more true artistry in the work itself, there would be a calm order—something barely noticeable now—and the vexing jolts and surprises in the life of the Bolshoi Theatre would be improved.

I will not prejudge events. We shall see what Mr. Rachmaninoff—that fine, subtle, and exceptionally gifted musician—has to offer.

I am delighted for the Bolshoi Theatre that such a major talent has joined the ranks of its musical figures.

It is a good move by the theatre administration.

Though it is hardly a deliberate one—more likely a matter of chance.

Yet, into this stroke of good fortune, there crept a lack of tact, an unnecessary callousness, harshness, and hurt feelings.

After all, the anniversary of Glinka's birth had arrived. The task was to properly ground the production of "A Life for the Tsar", restore passages that had been consistently omitted, and correct errors in the text that had crept in and accumulated over time.

To achieve these worthy goals, the directorate established a commission—drawing from both the theatre staff and others—to discuss everything thoroughly. That, at least, is what I am inclined to believe.

And now, the practical realization of this entire anniversary production of the Glinka opera has been entrusted to Mr. Rachmaninoff. Experience has tempered my initial expectations regarding how events might unfold. It is highly probable that Mr. Rachmaninoff will brilliantly execute the weighty task entrusted to him.

Yet, there is a point here with which I can agree in principle.

Mr. Rachmaninoff is indeed a talent. However, he is a conductor who has not yet acquired comprehensive experience. A few years ago, he was engaged for a single season at the Private Opera. Subsequently, he appeared only occasionally as a conductor of his own works. And that is all.

To remove the man who has conducted the opera “A Life for the Tsar” for some twenty-five years—albeit with occasional slips, yet always skilfully, sensitively, and lovingly—and to replace him with a relatively inexperienced conductor (however energetic and educated a musician he may be), is truly absurd and carries an air of inexplicable cruelty.

It is Mr. Altani’s prerogative, of course, to revive “A Life for the Tsar” in accordance with the guidelines established by the music committee. But if the intention was to bring in a different conductor for the jubilee performance, one ought not to have turned to the opera director, but rather to one of the senior authorities on Glinka—to a Russian musician of great renown, such as M. A. Balakirev.

If only the resentment would be erased at least a little...

However, I return to the evening of "Ruslan". [...] Semyon Kruglikov.

[Translation: Google]

Большой театръ.

Театръ предполагаетъ: все онъ располагаетъся.

Открылся большой оперный сезонъ. Все по плану: все тѣ же и все такъ.

Обновленная первая опера Глинки съ новымъ дирижеромъ, г.

Рахманиновымъ, проигестрировала только на афишѣ.

Открыта второю оперой Глинки, обставленною и подъ управленіемъ прежняго дирижера, г. Альтани.

Благодаря усиленнымъ занятіямъ съ «Жизнью за Царя», «Русланъ» не успѣлъ взять себѣ нужное количество репетицій и, потускнѣвшій, за лѣтнія каникулы, въ памяти певцовъ, хора и оркестра, сыгралъ роль не особенно главнаго экспоната, — беззвучной команды, вращаемой резиновой тростью.

И кое-что потрубило: — хотя-бы во-обще-то кружево подошло цѣлому; кое-что пошатнулось и даже расшиблось, — хотя-бы въ IV актѣ второй куплетъ Руслана надъ усиленной Людмилой.

Къ такимъ недоразумѣніямъ у опытнаго, знающаго и талантливаго капельмейстера, конечно, не ошибусь, считаю я г. Альтани, мы не причислимъ вообще, а въ вечеръ открытія сезона — тѣмъ болѣе.

Почему же такъ все случилось?

Газеты занялись этимъ вопросомъ въ двухъ разъясненія. Толкуютъ о гонорарахъ, о контрактахъ, обозначенныхъ пѣть съ 1-го сентября, а не съ 30-го августа.

Такъ же виноваты стрѣлочники въ желѣзнодорожныхъ катастрофахъ.

Дѣло не въ томъ. «Смотри въ корень». Просто — у семи нянекъ дитя безъ глазу.

Поменьше-бы напряженія и капризовъ, побольше-бы искусства въ дѣлѣ искусства, — и былъ-бы спокойный порядокъ, мало замѣтный теперь, [отсѣяли-бы?] досадные скачки и сюрпризы въ жизни Большого театра.

Не буду предрекать событія. Увидимъ, что покажетъ г. Рахманиновъ, этотъ прекрасный, тонкій, исключительно одаренный музыкантъ.

Я очень радъ за Большой театръ, что въ ряды его музыкальныхъ дѣятелей появился такой крупный талантъ.

Это — хороший шагъ театральной администраціи.

Врядъ-ли, впрочемъ, сознательный, — скорѣе, случайный.

Но въ счастливую случайность вкралась неделикатность, неужная черствость, жесткость и обида.

Вѣдь прошелъ со дня рожденія Глинки. Затѣмъ обосновать «Жизнь за Царя», восстановить тамъ то, что постоянно пропускалось, исправить вторично вкравшіяся туда и засорившіяся ошибки въ текстахъ.

Для этихъ благихъ цѣлей создана дирекція комиссію вызвать, театр намъи служащимъ, и та все обсуждала тщательно. Такъ, по крайней мѣрѣ, готовъ думать. И вотъ практическое осуществленіе всей этой обсужденной юбилейной глинкинской оперы порученъ г. Рахманинову.

Опытъ-таки заставилъ я отъ желанія принять событія. Очень вѣроятно, что г. Рахманиновъ великолепно выполнитъ возложенную на него отвѣтственную задачу. Но тутъ есть то, съ чѣмъ въ принципѣ я могу согласиться.

Г. Рахманиновъ — талантъ, да. Но онъ — дирижеръ, не успѣвшій еще пріобрѣсти всесторонній опытъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ нимъ заключалъ одинъ сезонъ въ Частной оперѣ. Затѣмъ изрѣдка выступалъ, какъ дирижеръ собственныхъ сочиненій. И это все.

Отстранить того отъ юбилейнаго спектакля «Жизнь за Царя», кто около 25-ти лѣтъ вѣлъ эту оперу, хотя, быть можетъ, и съ промахами, но все-таки умѣло, чутко и съ любовью, и замѣнить его сравнительно малоопытнымъ дирижеромъ, хотя и очень дѣятельнымъ и образованнымъ музыкантомъ, — истинная нелѣпость, имѣющая необъяснимую жестокость.

Возобновлять «Жизнь за Царя», конечно, по указаніямъ, выработаннымъ музыкальной комиссіей, — прямое право г. Альтани. А уже если для юбилейнаго вечера хотѣли непременно взять другого дирижера, то слѣдовало бы обратиться не къ директору оперы, а къ кому-нибудь изъ старѣйшихъ знатоковъ Глинки, къ такому русскому музыканту съ громкимъ именемъ, какъ, напр., М. А. Балакиревъ.

Такъ-бы хотъ нѣсколько, стерлась обида...

Возвращаюсь однако къ вечеру «Руслапа». [...] Семень Кругликовъ.